

О назначении поэта и поэзии

Среди стихотворений Пушкина наибольший интерес представляют те, в которых выражаются его взгляды на поэзию и значение поэта. К числу таковых относятся: «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824), «Поэт» (1827), «Чернь» («Поэт и толпа») (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831), «Из Пиндемонти» (1836) и, наконец, «Памятник» (1836). Пушкин чрезвычайно высоко ставил поэзию как одно из высших проявлений творческой силы человеческого духа; в соответствии с этим он и поэту приписывал особенное значение, как «любимцу Аполлона», «сыну небес». В обыкновенных условиях жизни поэт может ничем не выделяться среди окружающих; но в минуты творческого вдохновения, когда его «чуткого слуха» касается «божественный глагол», душа его сразу поднимается до такой высоты, которая недоступна для обыкновенных людей, «детей ничтожных мира» («Поэт»). Оттого в своем творчестве поэт, по мнению Пушкина, должен быть вполне независим от каких-либо посторонних влияний, он должен «идти один, дорогою свободной, куда его влечет свободный ум», никому не отдавая отчета в своем творчестве, должен быть «сам свой высший суд» («Поэту»). Эта мысль о полной свободе творчества выражает собой глубочайшее убеждение Пушкина; он неоднократно повторял ее как в своих стихотворениях, так и в критических статьях и заметках. Но особенно ярко эта мысль выражена в стихотворении «Чернь» («Поэт и толпа»). Здесь мы находим резкое противопоставление поэта и толпы. Такое противопоставление встречается нередко и у других поэтов романтической эпохи, являясь одним из выражений присущего ей индивидуализма. Но у Пушкина оно имело еще особенное, специальное значение: дело в том, что общество, среди которого ему приходилось жить и работать, очевидно, не доросло до действительного понимания его поэзии; оттого его позднейшие, наиболее зрелые и совершенные произведения встречали гораздо более холодный и даже отрицательный прием, чем его первые юношеские поэмы. Эти толки критики и публики, старавшихся даже повлиять на самое творчество поэта, ставивших ему те или другие задачи, сильно раздражали Пушкина, и в стихотворении «Чернь» он дал волю своему раздражению, вследствие чего его отповедь непризванным критикам и судьям носит несколько резкий характер. Это отражается даже в самой заглавии, потому что под словом «чернь» Пушкин, конечно, подразумевал не простой народ, а именно то полуобразованное общество, которое бралось судить поэта и указывать ему цели для творчества, не будучи, однако, в состоянии даже понять его, как следует.

Вместе с тем, в стихотворении мы находим выражение тех взглядов на поэзию, которые носят название теории «чистого искусства» или «искусства для искусства». Пушкин считал недопустимой в поэзии узкую тенденциозность или преследование каких-либо утилитарных и дидактических целей, которых требует от поэта «чернь», недовольная тем, что

Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна;
Какая польза нам от ней?

Пушкин же считал, что поэтическое произведение отнюдь нельзя оценивать маркой непосредственной пользы, хотя бы морально-дидактической. По его мнению, «цель поэзии — сама поэзия»; Пушкин совершенно ясно сознавал, что в самой поэзии, как и в искусстве вообще, заключена великая облагораживающая и возвышающая душу сила, и потому он мог по справедливости поставить себе в особенную заслугу, «что чувства добрые он лирой пробуждал» («Памятник»).

По В. Саводнику

Если большинство лирических стихотворений Пушкина, посвященных природе и красоте, носят элегический характер, то те стихотворения, в которых высказывается взгляд Пушкина на искусство, почти все могут быть названы одами.

Весьма важный для поэта вопрос — вопрос о значении искусства, о личности поэта, о его взаимоотношениях с обществом — интересовал Пушкина и в первый период его деятельности, и в продолжение всего его творчества. Этому вопросу посвящены, какие отчасти, а какие исключительно, следующие стихотворения: «Жуковскому», «Ответ на вызов написать стихи в память Государыни Елизаветы Алексеевны», «Разговор книгопродавца с поэтом», «Андрей Шенье», «Пророк», «Поэт», «Соловей», «19 октября» (1825) «Близ мест, где царствует Венеция златая...», «Чернь», «Эхо», «Поэту», «Памятник». Взгляды Пушкина, выраженные в этих стихотворениях, можно считать идеальными, особенно если отбросить некоторые противоречия и пристрастные мысли, высказанные в стихотворении «Чернь» и являющиеся последствием минутного раздражения поэта против его невежественных и лукавых ценителей, с которыми ему часто приходилось иметь дело.

Основываясь на стихотворения Пушкина, попробуем ответить на вопросы: Каков должен быть сам поэт? Какова должна быть его деятельность? Как он должен относиться к обществу?

Поэтический дар, как и всякое другое проявление духа человеческого, прежде всего, является собственностью, которой обладатель пользуется так, как того хочет. Поэтическое вдохновение доставляет высокое наслаждение прежде всего самому поэту:

Блажен, кто знает сладострастье высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным в прекрасный получил удел...»

«Жуковскому»

Поэт «любит песнь свою; поет он для забавы, без дальних умыслов»; он не ведает при этом «ни славы, ни страха, ни надежд»; он поет, как поет птица на ветке, поет так, как внушает ему его внутренней голос — «божественный глагол». Кто знает, какие волнения, какую тоску и смятение приходится испытывать ему при этом, и кто может потребовать тех, а не иных песен от поэта, который, «дикий и суровый, / И звуков и смятенья полн», бежит, охваченный вдохновеньем, «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы»? («Поэт»). Что же заставляет поэта бежать туда? «Там слаще голос мой звучал» — отвечает Пушкин, —

Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья.
Все волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,
И тяжким пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова,
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,

Иль ночью моря шум глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.

«Разговор книгопродавца с поэтом»

Таковы причины, таков смысл поэтической деятельности для самого поэта, и мы не вправе судить поэта, не вправе требовать от него того, чего он не может дать нам.

Но есть и другая причина, которая заставляет поэта иногда уединяться и только природе поверять свои думы, свои мечты и грезы. Как эхо, поэт ловит все впечатления окружающей его действительности, воплощает их в звуки и образы, шлет ответ всему, что творится вокруг него — ему же нет отзыва. Его не понимают окружающие, и «признак Бога — вдохновение для них и чуждо и смешно»; его окружают «завистливые судьбы», «убогие собиратели чужих суждений»; ему приходится слышать смех холодной толпы, суд глупца, быстро сменяющий собою минутный шум восторженных похвал. Отсюда — решение поэта: оставаться одному со своей поэзией, спокойным и угрюмым.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд,
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Но поэт вместе с тем и человек, член общества, который не может вечно уединяться и жить только в себе и для себя; он не может не интересоваться тем, чем интересуется все окружающее его общество, не может не волноваться волнениями этого общества, не радоваться его радостями, не печалиться его печалью. И чем дольше живет поэт — человек среди людей, тем труднее ему остаться в стороне от той жизни, которой живут другие люди, остаться безучастным зрителем всего доброго и злого, совершающегося кругом, и невольно он придет к тому великому сознанию, что его божественный дар, его талант должен служить не для него одного, что каждый человек должен жить на пользу других людей, служа им тем, чем он может служить, чем одарила его природа; и песни поэта уже становятся общественным служением, и он сознает, что должен петь не для себя только, а и для других, что слово поэта имеет великую жизненную силу, могущественное влияние, как на отдельное лицо, так и на общежитие человеческое. Вполне ясно сознал это и Пушкин, когда под конец своей жизни, после некоторых блужданий и колебаний, он сознал в себе истинно русского поэта, гражданина русского общества, сына русской земли:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

Но раз поэзия — служение общественное, раз ее создания могут сильно влиять на человеческую душу, на общественную жизнь, конечно, далеко не безразлично, что мы слышим в песнях поэта и каков он сам, автор этих песен. От человеческого слова вообще, а от поэтического в особенности, может произойти и великая польза, и великий вред. Ясно и определенно высказался Пушкин и по этому вопросу в величавом, навеянном библейским сказанием, стихотворении «Пророк». В нем библейским языком, пророческими образами Пушкин высказывает ту великую мысль, что поэт может выполнять свое общественное служение, только стряхнув с себя все дурное и порочное, только обновившись умственно и нравственно, обратясь в пророка, горящего любовью к людям; только тогда он может исполнить Божье веление.

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

То есть действуй своим могучим словом на их душу, показывай им идеалы истины, добра и красоты, к которым они должны стремиться, и, созерцая которые, они должны смягчаться сердцем и просветляться умом; показывай им «страницы злобы и порока» (выражение Лермонтова). Нет сомнения, что при этом придется выслушать не только «суд глупца и смех толпы холодной», но и претерпеть то, о чем говорит Лермонтов — злобу, ненависть и ожесточенные преследования тех, кого близко касается огненное слово поэта. Тут тем более следует остаться «твердым и угрюмым»; тут тем более следует остаться строгим к самому себе, неподкупным проповедником идеала, с негодованием отвергающим все предложения «хвалить земных богов», иначе будет ему горе, позор и презрение повлечет он на себя, если «на злато променяет» свою могучую власть (Лермонтов).

Нельзя, впрочем, ограничивать благотворное влияние поэзии на человеческое общество только ее содержанием, ее высокими мыслями, без которых бы оледенела, омертвела жизнь; великое значение поэзии заключается и в самой ее форме, в сладких звуках, в прелести стиха.

Таким образом, взгляды Пушкина на поэта и поэзию — это символ веры для каждого поэта; отступая от них, он неминуемо впадет в ересь и заблуждение. Поэты могут различаться по свойствам своего таланта, могут быть совершенно противоположны по сюжетам своих произведений, по сфере изображаемой ими жизни; но все они должны быть именно таковы по умственному и нравственному складу, какими изобразил их Пушкин в своих стихотворениях «Пророк», «Поэту» и др.

По Е. Воскресенскому

Политическая позиция Пушкина 1830-х годов со всей четкостью определяла его творческие задачи как художника-реалиста и борца за прогрессивное развитие своей страны. Мотивы французского «просветительства», промелькнувшие в свое время в его понимании природы поэтического творчества, уступают теперь место взглядам на поэзию как на широкое отражение жизни с позиций «любезного народу» певца свободы, защитника «падших», будителя «добрых чувств» («Памятник», 1836).

В стихотворении «Поэту» (1830) Пушкин пламенно отстаивает свободу своего творчества от покушений злобной и клеветнической толпы своих светских и литературных врагов; в стихотворении «Труд» (1830) поэт говорит о своем творчестве как о высоком «подвиге»; в элегии «Безумных лет угасшее веселье...» (1830) он видит в творчестве высокое наслаждение, ради которого стоит жить, чтоб «мыслить и страдать» («Порой опять гармоней упьюсь, / Над вымыслом слезами обольюсь...»); в стихотворении «Эхо» (1831) он уподобляет творчество поэта откликам эха, которое на все дает ответ, не получая в то же время себе отзыва, наконец, в знаменитом «Памятнике» (1836) Пушкин, определяя свое творчество как борьбу за свободу в условиях «жесточкого века», утверждает себя как народного поэта и даже как поэта народов, населяющих обширную территорию «Руси великой». Тут уместно вспомнить, что и в других случаях поэт подчеркивает широкую народность своего творчества, которая выходит даже за пределы тогдашней России. Так, отстаивая в стихотворениях «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» право России без постороннего влияния решать свой «домашний старый спор» с Польшей и выдвигая идею славянского объединения под главенством России («славянские ручьи» и «русское море»), он вместе с тем заявляет («Бородинская годовщина»), что у него нет вражды к польскому народу, что недавние враги, побежденные русским оружием,

...не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Таким образом, широко и реалистически отражая жизнь с позиций борца за идеалы свободы, просвещения и культуры, Пушкин установил основную направленность своего творчества как творчества народного поэта.

По И. Замотину

Воззрения Пушкина на поэта и поэзию определенно высказаны главным образом в следующих шести стихотворениях: «Разговор книгопродавца с поэтом» (1324), «Пророк» (1826), «Поэт» (1827), «Чернь» (1828), «Поэту» (1830) и «Эхо» (1831).

Взгляд Пушкина на поэта, высказанный в стихотворении «Пророк» — чисто библейский. В Библии пророк избирается самим Богом и получает видимую печать своего избрания. Подобно Библии, описание посвящения в поэты мы находим и в «Пророке» Пушкина. Поэт представляет себя в мрачной пустыне; ему является «шестикрылый Серафим», касается своими «перстами легкими» его глаз и ушей и сообщает этим духовное зрение и слух; затем Серафим «приникает» к его устам, вырывает «грешный ... язык, и празднословный и лукавый» и влагает «десницею кровавой» «жало мудрых змей», рассекает грудь, вынимает сердце и вкладывает вместо него «уголь, пылающий огнем». Таким образом, природа поэта изменяется: он получает высшее, нечеловеческое зрение, слух, пламенное сердце и красноречивый язык — эти необходимые принадлежности проповедника высшей воли. Избрание поэта, следовательно, есть дело божеское, сверхъестественное, чудесное. А если так, то и служение, и назначение поэта должно быть высшее, сообразное с этим божественным призванием. И действительно, в этом же стихотворении, Бог говорит избранному пророку:

«Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Так высоко смотрел Пушкин на призвание и служение поэта. Он должен быть, по его словам, просветителем человечества, проповедником высшей воли, насадителем чистой нравственности, учителем и руководителем простых смертных.

Чтобы выполнить это назначение, поэту необходимо вращаться среди людей, он должен подмечать их слабые стороны и недостатки и, подметив, искоренять их; должен заботиться о просвещении масс, смягчать сердца, закоренелые в грубых предрассудках и невежестве, — словом, должен служить обществу, согласно своему призванию.

Остался ли Пушкин верен такому взгляду на служение поэта обществу? В стихотворении «Чернь» («Поэт и толпа»), написанном спустя два года после стихотворения «Пророк», мы встречаемся с противоположными взглядами Пушкина на поэта и отношение его к народу. Чернь обращается к поэту, просит у него назидательных уроков, а поэт гонит ее от себя:

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий...

И далее:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы, как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры

Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!

Пушкин отказывается от того, что писал два года тому назад, в 1826 году. И действительно, назначение поэта по стихотворению «Поэт и толпа» уже другое; он говорит:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Это противоречие поэта самому себе возбудило различные толки с одной стороны, и нападки со злыми упреками и порицаниями — с другой. Анненков, признавая перемену во взгляде Пушкина на поэта и поэзию, объясняет ее влиянием немецкой теории, с которой поэт познакомился в то время из статей, помещаемых в «Московском Вестнике»:

«Направление журнала этого развило в нем тот взгляд на художника и искусство, который он выразил в известных своих стихотворениях: «Поэт и толпа», «Поэт», «Эхо», «Поэту» («Поэт! не дорожи любовью народной...»).

И далее:

«Из круга молодых людей, содействовавших успеху журнала, вынес он свой полный, установившийся взгляд на художника и искусство».

И действительно, нельзя не согласиться с Анненковым: Пушкин в это время смотрит на поэзию как на искусство, заключающее цель в самом себе. В стихотворении «Поэту» он говорит (поэту):

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

Или же в стихотворении «Поэт и толпа» поэт говорит черни:

Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский,
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пишу в нем себе варишь.

Здесь поэт вооружается против бессмысленной черни, которая желает и в искусстве видеть практическую пользу и не ценит его. Поэт досадует, что не хотят видеть цели искусства в самом же искусстве. Таким образом, те, кто вместе с Анненковым объясняют перемену во взгляде Пушкина на служение поэта и отношение его к народу влиянием немецкой теории, отчасти правы. Но они не правы в том, что будто бы в Пушкине эта перемена совершилась в 1828 году. Эти же взгляды Пушкин уже высказывал четырьмя годами раньше, в 1824 году, в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом»; уже тогда Пушкин не прочь был держать себя подальше от черни и на поэзию смотрел как на искусство, заключающее цель в самом себе, чуждое посторонней, материальной цели. На вопрос книгопродавца: «О чем вздохнули так глубоко?..», поэт отвечает:

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,

Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.

Этот же самый взгляд на поэзию, противоположный взглядам толпы, был причиной, вызвавшей следующие за тем строки:

Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой:
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы молодой
Хранит любовник суеверный.

Еще резче высказывает он это отчуждение от черни в следующих стихах:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт...
...
Теперь...
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Не чисто в них воображенье:
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо, и смешно.

Из таких резких отзывов о черни, или толпе, с полным правом можно заключить, что воззрения Пушкина на поэта и поэзию выработаны им самим, вследствие особых причин и обстоятельств, а знакомство с немецкой теорией лишь усилило и укрепило этот взгляд Пушкина.

Таким образом, говоря, что уже в 1824 году Пушкин желал держать себя дальше, в стороне от черни: «делиться не был он готов с толпою пламенным восторгом»; между тем в 1826 году в «Пророке» он восклицает:

...Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Возникает вопрос: правда ли, что поэт был так зол на чернь, которая не умела ценить поэзию как искусство, заключающее цель в самом себе?

Для ответа на этот вопрос следует обратиться к жизни самого поэта, которая всегда была связана с его лирической поэзией.

Стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом» было написано осенью 1824 года, то есть вскоре после возвращения Пушкина из Одессы в село Михайловское. Из биографии поэта известно, в каком настроении был Пушкин в то время; какова была жизнь его в последнее время в Одессе; с каким недоброжелательством и даже презрением смотрели там на его поэтическую деятельность; сколько нравственных страданий и внутренней борьбы он перенес за это время; как он боролся с пошлыми взглядами чиновников на его поэтическую деятельность; как он презирал этих бессмысленных ценителей поэзии. Все это вполне естественно могло возбудить в поэте недоброжелательное отношение к толпе, под которой в «Разговоре книгопродавца...» он подразумевал

не низший класс народа, нисколько не виноватого перед ним, а чиновническую чернь, которая была занята исключительно деловыми канцелярскими бумагами и чисто практическими задачами, не понимая высокого значения поэзии. Кроме того, у Пушкина были другие враги и ненавистники, а именно та литературная чернь, которую Белинский называет тлей, вроде Булгарина и его последователей. Они еще более раздражали Пушкина своими нападками и безрассудной бранью. От конца 1825 года известны два весьма характеристичных стихотворения Пушкина, в которых он, без сомнения, и разумел этих грубых и бестолковых ценителей его поэтической деятельности.

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.

«Совет»

Второе стихотворение — «Прятелям» — носит тот же самый характер:

Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас,
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу, неожиданный, беспощадный.

Из самого описания черни, из тех эпитетов, которые придает ей Пушкин (надменный, коварный, бесстыдный, неблагодарный, клеветники, лицемеры, холодный), из тех требований, которые заявляет чернь поэту, становится понятным, что Пушкин имеет в виду не простой народ, потому что может ли простая чернь задаваться, например, такими вопросами:

«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?»

А сознаваться перед поэтом, что

Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

— это и в голову не могло прийти малоразвитой черни!

Итак, можно сделать вывод, что под чернью поэт подразумевал вовсе не простой народ, а ту литературную «тлю», которая, не понимая цели и назначения поэзии, раздражала Пушкина. Эта «тля» по отношению к Пушкину была именно такова, что он прямо мог сказать ей:

В разврате каменейте смело,

так как он знал ее упорство, знал, что

Не оживит их лиры глас.

Но по отношению к остальным соотечественникам, «никто, решительно никто из русских поэтов, – говорит Белинский, – не стяжал себе такого неоспоримого права быть воспитателем и юных, и возмужалых, и даже старых читателей, как Пушкин».

По И. Белоруссову

В течение своей литературной деятельности Пушкин не раз обращался к вопросу о значении поэзии и искусства вообще. Пушкин высоко ставил призвание поэта. В стихотворении «Поэт» он изображает поэта, душа которого пробуждается только под наитием «божественного глагола», то есть вдохновения; дикий и суровый, тоскующий среди мирских забав, он удаляется от общества «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы». Подобный взгляд на поэта находится в связи с теми эстетическими воззрениями, которые проводились во времена Пушкина в журнале «Московский Вестник». По словам Анненкова, сущность теории состояла в весьма строгом взгляде как на призвание художника, так и на задачу самого искусства. Последнее есть не что иное, как проявление бесконечного в ограниченных или конечных формах. Создавая искусству высокую цель, независимую от требований современности, теоретики приходили к мысли об исключительном и важном значении художника: как слугитель изящного, он не принадлежал толпе, не разделял ее стремлений и не признавал ее нужд. Учение ставило художника единственным верным ценителем своего произведения. Художник, по мнению этого учения, не нуждался в сочувствия окружающих, не имел надобности отдавать отчет в своих сношениях с идеалом и один знал первую причину и цель своих произведений. Эту последнюю мысль Пушкин выразил в своем стихотворении «Поэту». Поэт — это царь; являясь лучшим ценителем своих творений, он не должен дорожить любовью народа, среди которого ему придется услышать и суд глупца, и смех толпы, холодной к творческим созданиям:

... живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...

Подобные эстетические воззрения отражены и в стихотворении «Поэт и толпа», написанном в 1825 году. Общая мысль его выражена в форме диалога между поэтом и чернью.

Следует отметить, что под чернью Пушкин понимает не народ или общество, а тех людей, которые или по своему невежеству или лицемерию восстают против отвлеченной науки и искусства и обвиняют все то, что не приносит материальной практической пользы. Упрекая таких людей в том, что для них ночной горшок дороже изящной статуи Аполлона Бельведерского, поэт высказывает мысль, что не дело поэзии заботиться о пользе: рожденный для создания художественных образов, «для сладких звуков и молитв», поэт не должен задаваться никакими целями, кроме красоты, воспитывающей в человеке чувство изящного. Та же самая мысль, но с большей полнотой и ясностью, была выражена Белинским в статье о стихотворениях Лермонтова:

«Поэзия не имеет никакой цели вне себя, но сама себе есть цель, также как истина в знании, как благо в действии. Не все ли нам равно — знать или не знать, что не относится к нашей жизни или нашим выгодам, что и высоко и далеко от нас, как это небо, которого и бесконечно малой частицы никогда не придвинем мы к себе никакими телескопами. Однако ж астроном посвящает всю жизнь своему этому небу, и открытие новой звезды, которая не прибавит ни полтины к его годовому доходу, делает его счастливым и блаженным. Разве потому должны мы любить добро, что нас за него хвалят или награждают? Разве мы должны отрекаться от него и сворачивать на широкую дорогу зла, как скоро увидим, что добро не только не приносит нам никаких процентов, но еще подвергает нас гонениям и несчастиям? Подобно истине и благу — красота есть сама себе

цель и по праву царствует над вселенной только властью своего имени, неотразимым обаянием своего действия на душу людей... Как красота, так и поэзия — выразительница и жрица красоты, сама себе цель, и вне себя не имеет никакой цели. Если она возвышает душу человека к небесному, настраивает ее к благим действиям и чистым помыслам — это уже не цель ее, а прямое действие, свойство ее сущности; это делается само собою, без всякого предначертания со стороны поэта».

Критик, таким образом, признает пользу поэзии, но при том условии, если поэт создает художественные образы. Что Пушкин придавал поэзии глубоко нравственное значение — это видно из стихотворений «Памятник» и «Пророк». Мотив стихотворения «Памятник» Пушкин заимствовал из оды Горация «К Мельпомене», но в подробностях он остается вполне оригинальным. В стихотворении «Памятник», определяя свои заслуги, Пушкин, между прочим, говорит, что он дорог будет для народа тем, что своей лирой пробуждал добрые чувства и призывал милость к падшим. Все это действительно так и было, а отсюда понятно, что поэзия, как воспроизведение явлений духовной жизни человека в художественных образах, должна иметь нравственное значение.

По С. Бураковскому

У Пушкина есть целый ряд стихотворений, тема которых — назначение поэта, его отношение к окружающей жизни, его отзывчивость, испытываемые им страдания: «Пророк», «Поэт», «Поэт и толпа», «Поэту», «Эхо», «Памятник». В них поэт изображается как преображенный человек, как пророк, которому серафим вместо языка вложил жало змеи и уголь, пылающий огнем, вместо сердца; поэт слышит «божественные глаголы»; поэт — небес избранник, царь —

К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

Участь поэта, как и пророка, тяжела: велики были страдания Пушкина, причиняемые ему злословием и невежеством общества (толпы), что выражено им в стихотворении «Поэту».

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.
Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.
Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?
Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Отзывчивость поэта передана в стихотворении «Эхо».

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов,
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;

Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Таков был и Пушкин в его лирике!

По А. Радонежскому

После двухлетнего пребывания в селе Михайловском Пушкин постепенно сбросил с себя влияние других писателей. За это время его поэтический гений созрел и окреп; Пушкин становится вполне самостоятельным поэтом и своими самобытными произведениями открывает новую ступень, новый период в истории русской литературы. К этому последнему периоду его поэтической деятельности принадлежат стихотворения, составляющие группу тех произведений, в которых он делает оценку деятельности поэта вообще и своей в частности. К стихотворениям этого рода относятся «Поэт» (1827), «Поэт и толпа» (1828), «Поэту» (1830), «Эхо» (1831), «Памятник» (1836).

В стихотворении «Поэт» Пушкин рисует моменты, когда поэтом овладевает вдохновение, когда Аполлон призывает его к «священной жертве». Здесь поэт развивает мысль о том, что пока человек погружен в «заботы суетного света», в нем незаметно ничего поэтического, он занят не важными нравственными целями жизни, а лишь мелкими делами,

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь только явится вдохновенье,

...божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

«Дикий и суровый», поэт бежит от общества «на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы». В этом стихотворении «вдохновение» изображается как «наитие свыше», а творчество-священнодействие — принесение жертвы Аполлону. Поэт, прежде всего, должен быть самостоятельным, и толпа не имеет права управлять его музой. Поэт самостоятельно должен выбирать темы для своих песен, так как в них он находит свое наслаждение. Толпе же, черни, упрекающей его в том, что он своей поэзией не приносит пользы, поэт возражает:

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!

Поэта угнетает мысль, что грубую развратную чернь не проймешь ничем.

Пушкин отрицает всякое обязательно-служебное значение поэзии в целях уличения порока, воспитания добродетели. Однако, нередко указывая, что в стихотворении «Пророк» встречается стих «глаголом жги сердца людей», и основываясь на нем, некоторые критики видят как бы завет поэту поучать людей. Но это неверно: стихотворение «Пророк» не имело никакого отношения к пушкинским взглядам на поэзию, — это произведение представляет собой только удивительно яркое, художественное воспроизведение библейской картины (превращение простого человека в пророка), только и всего. «Библейские» произведения, подражания «Корану», народные песни и творчество в духе испанской поэзии указывают лишь на разрастающиеся интересы поэта, на окончательное

отречение его от исключительного субъективизма юношеских лет. Поэтому стихотворение «Пророк» надо понимать только в буквальном смысле.

По мнению Пушкина, лира поэта не может ограничиваться узким кругом песен. В стихотворении «Эхо» поэзия представлена зеркалом, в котором отражается вся жизнь с ее хорошими и дурными сторонами. Поэт, подобно эху, на все отзывается в силу прирожденной ему отзывчивости, подобно эху, он не может выбирать из жизни то или другое, а должен откликаться на все. Но «чернь», слушая вольные песни поэта, не умеет их ценить, она становится на утилитарную точку зрения и требует только пользы, немедленно обнаруживающейся в осязательных результатах:

Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.

Эстетическое отношение к жизни чуждо такой узкой точки зрения:

Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Это точка зрения крыловского петуха, который ячменное зерно предпочитает жемчужине. А между тем «чернь», толпа, часто проходит мимо поэзии с полным равнодушием, холодом, непониманием:

Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

Подчиняясь в выборе своих мотивов только вдохновению, поэт безотрадно смотрит на «служение» обществу; он знает, что такое общество не оживит глас его лиры, а поэтому не обращает внимания на суд толпы:

Поэт, не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм...

Романтический идеал поэта, впервые возникший вследствие стремления романтиков очистить храм искусства от случайно поселившихся в нем торжников-ложноклассиков, часто с корыстной целью сплетавших разным меценатам свои высокопарные похвалы, возведен Пушкиным до апогея. Тверд, спокоен и угрюм стоял его поэт, неизмеримо возвышаясь над толпой, не дорожа любовью народа и голосом общественного мнения и смотря с презрением на суд «бессмысленной толпы», с которой он не имеет никакой связи и которая не может понимать его. Поэт должен искать наслаждений в самом себе, в удовлетворении своими произведениями, и общество не может быть судьей вдохновенных поэтических песен, так как оно по грубости своей не понимает их. Он должен служить чистому искусству, или так называемому искусству для искусства. Поэт Пушкин похож на гондольера, который «любит песнь свою, поет он для забавы, без дальних умыслов; не ведает ни славы, ни страха, ни надежд, и, тихой музы полн, умеет услаждать свой путь над бездной волн» («Близ мест, где царствует Венеция златая...»). Поэт — исключительный жрец чистого искусства, чуждый всего земного и живущий в отдаленной и высокой сфере своих созданий. Творчество является потребностью его души и вызывает высшее духовное наслаждение и желание продлить его. Предметом поэзии должно быть художественное изображение жизни с беспристрастным суждением о ней; польза, если существование ее и признать в поэзии, будет только в правде, в том полном высокого наслаждения поэтическом трепете, который охватывает душу читателя; преследовать исключительно мораль поэт не должен:

Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Таков в общих чертах взгляд Пушкина на поэта и поэзию. Но, не будучи поэтом «дидактическим», не обращая своих произведений в «нравоученья», Пушкин объективно рисовал «добро» в жизни, и в этом великое значение его гуманной поэзии. В стихотворении «Памятник» нет презрения к черни, нет самовозвеличения поэта-жреца, нет и понимания поэзии, как «художественного зеркала», в котором отражается все; в этом стихотворении поэзия — есть любовь к людям, к падшим, к рабам, к «униженным и оскорбленным». В этом стихотворении Пушкин как бы опровергает идеи разобранных стихотворений. Здесь он всего ближе подходит к определению истинных целей поэта и более правильной самооценке. Поэт отметил в нем великое культурное значение своей гуманной поэзии:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Изображая все прекрасное, способное возвысить душу, умея даже в дурном найти хорошее, Пушкин будит лучшие струны нашей души.

По Б. Майкову